

Василий ВЕДЕНЕЕВ
Алексей КОМОВ

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

“МультиМедиа”

Алексей Комов
Василий Владимирович Веденеев
Добрый вечер

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278422

Содержание

Глава I	4
Глава II	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Комов, Василий Веденеев Добрый вечер

Глава I

1

У Вячеслава Ионовича Силаева, полнеющего, но все еще элегантною мужчины лет пятидесяти, известного в узком кругу деловых партнеров под именем «Славки-Декапота» или просто «Декапота», было отвратительное настроение. И раньше случалось – накатит вдруг – и ничто уже не радует. Даже самому себе перестаешь нравиться. Но обычно хандра быстро проходила. Час, другой – и нет следов. А здесь – напасть какая-то. Второй вечер к ряду крутит, и крутит.

Повод для этого появился вчера, в семнадцать двадцать пять. Именно в это время к нему пришел участковый, капитан Худоко́рмов.

С капитаном они были земляками. И привелось же встретиться через такую пропасть лет в Москве. Жизнь – смешная штука... Оба родились в орловском селе Петровки, а те-

перь и тот и другой имеют отношение к московской Петровке. Капитан – по долгу службы, а Вячеслав Ионович – как потенциальный клиент.

Именно поэтому Худокормов и появился. Он и раньше заходил, душещипательные беседы вел. Дескать, плохо живешь. В смысле, не на зарплату.

Конкретных претензий участковый не имел. Но и в помощь многочисленной родни, которая бескорыстно вот уже столько лет помогала Вячеславу Ионовичу приобретать мебель, ковры, стереосистемы – тоже не очень верил. Впрочем, из уважения к общим детским воспоминаниям, пока формального довода не было, своим подозрениям Худокормов официального хода не давал.

И вчера вроде с денег начал, а потом так ведь дело повернул, так задел, что ноет внутри и ноет. О пустоте говорил, об одиночестве. Банально вроде, в зубах навязло. А когда к тебе относится – совсем иначе воспринимаешь. Самое страшное – участковый, который по большому счету красивой, шикарной жизни-то и не видел, за своими ежедневными заботами о спасении заблудших душ алкоголиков и одичавших уличных подростков, искренне пожалел его. Его, Силаева!

Вспомнив это, Вячеслав Ионович шумно запыхтел, отдуваясь. Когда-то за эту привычку пыхтеть один образованный дружок и приклеил ему кличку «Декапот», старинный паровоз, значит. С годами от привычки почти удалось избавиться. Но стоит поволноваться, как теряешь контроль и...

Вячеслав Ионович прошелся по квартире, потом решительно подошел к бару, выпил рюмку коньяка, пожевал ломтик лимона, посыпанного солью, но успокоения в привычно милой процедуре не нашел. Все еще шло.

Тогда он уселся в кресло и включил недавно приобретенный цветной телевизор фирмы «Филипс» со стереозвучанием и дистанционным управлением. Телеэкран, вещал о проблемах силосования грубых кормов. По другой программе шла передача о сложной плавке. К выплавке стали Вячеслав Ионович не имел отношения, а проблемы силосования его не интересовали. Он нажал на кнопку, и экран погас. Тишина снова стала хозяйкой в квартире.

Со всех сторон его окружали дорогие вещи, которые он, собирая годами, тщательно отсеивал. Они всегда доставляли ему удовольствия, вселяя в душу умиротворение и спокойствие. Всегда, но не сейчас.

Ах, Худокормов! И чего тебя вчера принесло с душевспасительными разговорами? Все у него, у Силаева, нормально! Все! Чего пристаєте?.. Работа – великолепная. Много лет назад выбрал и не расстается. Он контролер в автобусах.

Правда, на маршруты выходит редко – пассажиры, за малым исключением, народ сознательней, дают нормальную выручку. А чтоб начальство было довольным, он постоянно вносит необходимую сумму штрафов из своих внутренних запасов, Чуть больше средней выручки по конторе, но не настолько, чтоб к нему присылали коллег для обмена опытом.

Может, кто и мог осудить за то, что здоровый мужик занимается столь «сложным» делом, дескать, есть и другие места для приложения сил. Но Вячеслав Ионович был убежден, что именно на этом месте он приносит самую большую пользу. И в первую очередь – себе.

Еще в институте, после практике на заводе, он решил на производство или в науку не идти.

Его талант чуть не раскрылся в госторговле, куда Силаев бросился, кое-как защитив диплом и отвертевшись от романтического распределения на новостройки Восточной Сибири. Дела коммерческие ему нравились. Он придумывал новые формы обслуживания покупателей, разные приспособления для облегчения труда торговых работников. Начальство рвение дипломированного продавца оценило. За три года Вячеслав Ионович стал заместителем директора теле-радио-магазина.

Но на этой престижной должности он пробыл недолго. Ушел по собственному желанию. По собственному: не по формулировке, а по существу. Просто, как человек неслепой, Вячеслав Ионович понял, что его новшества, рано или поздно, может реально оценить не только начальство. А отправляться в места не столь отдаленные, ему совсем не хотелось.

О средствах на жизнь не беспокоился. Помимо формально, отраженного в трудовой книжке рода занятий, было у него «настоящее дело». Силаев одним из первых понял, что

«стиляги», при их всеобщем осуждении, имеют и свои, пусть небольшие, но весьма, сильные козыри, против которых отечественная легкая промышленность пока не могла ничего противопоставить.

Постепенно у Славки-Декапота появились каналы снабжения иностранными шмотками и постоянная клиентура. Кроме того, у него была голова на плечах, которая не давала зарываться. Обычно он брал чуть меньше, чем его коллеги по ремеслу. Над ним сначала смеялись и подшучивали. Но проходило время. Все те, с кем начинал «Декапот», уже примерили, некоторые и не по одному разу, телогрейки и ватные штаны. А он – ничего, чистенький. Сейчас уже патриарх среди молодой поросли. Ох, и хищнички выросли. Даже ему порой не по себе становится. На днях поехал с тремя в загородный ресторан. Ну, ни в какие ворота их поведение да влезало. Швырялись деньгами, закупили на всю ночь ансамбль, притащили кучу девиц. Нет, он не ханжа, но зачем устраивать такое в кабаке? Какое-никакое, а все же учреждение.

Увы, эти мальчишки пока только научились делать деньги, но не тратить их. Для этого нужен интеллект...

К концу того сумасшедшего вечера, уже солидно «набравшись» Силаев, взглянув на крепкие спортивные фигуры своих молодых приятелей, почему-то подумал, что им будет нетрудно на лесоповале. Ну да, Бог с ними! Пусть гуляют, свое ж садят, свое. Но – без него! У Вячеслава Ионовича другие проблемы.

Угадал Худокормов, куда его ударить, за что поддеть. Все, говорит, у тебя есть, А счастья не нашёл. Потому что счастье обманом не проживёшь. Воли кто и привязывается к тебе, то не из-за того, что ты такой хороший, а потому что вещей много. Людей, говорит, у тебя мало знакомых – деляги одни...

Дурак ты, Худокормов! Чтобы Силаев бессребреником стал? Да он такого кошмара и представить себе не может. Только вот одиночество... Кто этого участкового за язык тянул? Ну, не везет в личной жизни Славке-Декапоту. Три жены было. И все три ушли. Ушли странно – постоянно возвращаясь, Не потому что соскучились, а так – с разными требованиями по разделу имущества, слезами, денег... Хуже, когда приходят две сразу. Свары начинаются, крик, А в начале недели собрались все три. Сговорились, что ли? Вячеслав Ионович слушал их ругань и чувствовал, как падает настроение и поднимается давление. Сам он, во всех их спорах, был предметом второстепенным, ненужным, даже лишним, с которым им, однако, приходилось мириться в силу обстоятельств, как с залежалым товаром в наборе дефицитных вещей. Еще тогда к нему заползли первые сомнения. Но он думал, что этого никто не заметит. А Худокормов заметил! Да еще по полочкам разложил. Противно чувствовать вокруг себя пустоту, когда уже стукнуло пятьдесят, и впереди осталось много меньше, чем прошло. Когда ясно, что уже поздно...

Вячеслав Ионович снова достал из бара рюмочку и бутыл-

ку, потом передумал, взял стакан, выполнил его почти до верхней кромки и залпом выпил.

Устроившись в кресле, с ненавистью взглянул на молчавший телефон. «Черт побери, позвонил бы хоть кто-нибудь», – поддал он с мрачной надеждой. И телефон зазвонил...

2

«Надо же, – удавился Вячеслав Ионович, снимая трубку, – кто он это?»

– Алло? – сказал он мягко и настороженно.

– Вячеслав? – говорила женщина, судя по голосу, достаточно молодая и знающая себе цену.

«Вячеслав» прозвучало у нее с многообещающими интимными нотками.

– Да... М-м-м... Это я... – Вячеслав Ионович непроизвольно подтянул: свой животик, как это всегда делал при знакомстве с хорошенькими женщинами.

– Вы меня не узнаете?

– Ну, почему же... – Протянул он. Голос действительно был совершенно незнакомым. Но признаваться в этом не хотелось. – Может, просто не сразу вспомнишь? Вы понимаете, телефон искажает.

Женщина на том конце провода сдержанно рассмеялась.

– Это Елена... Помните, в загородном ресторане?

Силаев вспомнил. Среда всей молодой компании, с которой он гулял недавно, она была, пожалуй, единственно приятной ему женщиной, в разумно строгом платье. Кажется, ее звали Лена. И, кажется, он ей дал телефон. А, может, не ей?

– Ну что Вы, Леночка, как можно забыть. Конечно, помню. Вы меня обижаете.

– Я не хотела... Но всех не запомнишь. Так много дел, знакомых. Наоборот. Сегодня вы первая, кто мне звонит. Разумеется, не считая всяких суетных звонков.

– Значит, вы скучаете?

– М-м-м... Ну, в некотором роде... А вы?

«Все же, кажется, это та самая Лена», – подумал Вячеслав Ионович.

– Я девушка серьезная, а это отпугивает современных мужчин. – Молодых мужчин, Леночка, мо-ло-дых! А мы люди другого воспитания. Женщина – это чудо и к нему надо относиться с трепетом. «Ну и чушь я несу, – в душе усмехнулся Силаев, – во вроде, ничего».

– ... Знаете, что? Приезжайте ко мне. Что мы с вами болтаем по телефону, этому злomu гению, разъединяющему людей? Давайте лучше по-старинному, за чашечкой чая посидим.

– Как к вам ехать?

Чудо-женщина. Не стала ломаться и кривляться. Правда, Вячеслава Ионович беспокоило, что одна из жен грозилась сегодня нагрнуть. Какая точно – он не помнит, да принци-

пильного значения это не имело. Все одно – много шума. А, черт о нем! Может он иметь личную жизнь? В конце концов – они разведены. По закону. Какая бы ни появилась – не пустит и всё...

3

Лена была у него минут через сорок. Он не ошибся – та самая, из загородного ресторана.

Он помог ей снять пальто.

В комнату она вошла не сразу. Сначала осмотрелась и с восхищением сказала:

– У вас, Вячеслав, не просто хорошо. У вас замечательно!

Все так красиво...

Силаеву эта оценка польстила. Плохое настроение уже почти улетучилось. Леночка – добрый ангел, посланный ему в утешение...

– Сейчас будет прекрасная музыка!

Вячеслав Ионович поставил кассету с записью из «Порги и Бесс». Исподволь он рассматривал гостью. Здесь, в его квартире, она показалась ему еще лучше, чем в ресторане, в чаду сигаретного дыма, среди пар, дергающихся под громкие звуки электронных инструментов. Высокая, стройная, со светлыми волосами, мягко спадавшими на плечи. На вид – лет двадцать пять. Впрочем, это не важно. Когда женщина кажется тебе красивой, вопрос о возрасте просто не встает.

Они сели за столик. Вячеслав Ионович накрыл его заранее. Финские шоколадные конфеты, апельсины из Марокко, сыр и, конечно, лимон, посыпанный солью. Последнее – для себя. Коньяк, понятно, французский.

Выпили по первой. Голова у Силаева блаженно зашумела, внутри начала бродить молодая энергия. Глаза все чаще стали останавливаться на строгом, но достаточно глубоком «декольте» Леночкиного платья. Она – просто прелесть!

Вячеслав Ионович понимал, что надо приступить к более решительным действиям. Леночка улыбалась, принимая комплименты, и весело хохотала, когда он рассказывал всякие двусмысленные небылицы. Но интуиция настойчиво требовала; пора, пора! Поцелуй ее!

Но как? Его прекрасная, уютная мебель выкинула с ним злую шутку. Кресла слишком глубокие. Не будешь же садиться на подлокотник, чтобы поцеловать ее. Неудобно. Пригласить танцевать? Музыка не та. Сам джазовые импровизации поставил. Вячеслав Ионович был в растерянности.

– Вячеслав, а это у вас что? – Леночка встала с кресла и подошла к его маленькой коллекции статуэток. Ах, Леночка, умница, все почувствовала.

Вячеслав Ионович подошел сзади, сдерживая сопение.

– Фарфор. Очень старый.

Леночка повернулась к над. Ее губы были совсем рядом. Напротив его глаз.

«Зачем она такая высокая?» – подумал он. Но отступить

было некуда. Вячеслав Ионович приподнялся на цыпочки и поцеловал Лену.

...Заснули только часам к четырем. А вставать пришлось через три часа. Лена спешила на работу. Впрочем, Вячеслав Ионович так и не встал. Он только едва приоткрыл глаза. Болела поясница, ныло сердце, голова гудела. Шершавый сухой язык едва помещался во рту. Сквозь похмельный туман он смотрел, как стройная фигурка перебегает из одного угла в другой, торопливо что-то делая.

– Вячеслав, вы меня слышите? – Боже, она снова называет его на «вы». Как это трогательно.

– Да, дорогая, – простонал он, хотя ничего не слышал.

– Вы обманщик, Слава. Я к вам с делом, а вы и слушать не хотите...

Слово «дело» как-то пробудило Декапота. Он насторожился.

– Так что? – переспросил он.

– Я вам битый час говорю о своей знакомой. Она предлагает интересные вещи. Я подумала, может, вам любопытно?

Очарование стало осыпаться как старая штукатурка. И здесь о деле. Вот оно что.

– Дальше, – Вячеслав Ионович лег на спину и перешел на деловой тон.

Лена, почувствовав у него металл в голосе, удивленно оглянулась и растерянно пролепетала:

– Последние модели Блю Белл, Левиса, есть Карден и Кри-

стиан Диор...

– Товар ваш?

– Нет, что вы. Подруга предлагает...

Вячеслав Ионович нахмурился. Лена-Леночка-Элен, за-
чем все это?! Новым людям он не доверяет. Риск он давно
свел к минимуму. Тем боже, подруга какая-то. И зачем такую
прекрасную ночь разменивать на товар? Любовь на тряпки?
Объяснить ей надо.

– Сколько? – спросил Декапот вместо объяснений.

– Я не знаю. То есть, лучше она. Я дам ваш телефон? Лад-
но? – выпалила она.

Где та фантастическая женщина из вчерашнего вечера?
Силаев сказал бы «нет». Но ему давно не было так хорошо.

– Давай! – сказал он устало и, наконец открыв полностью
глаза, внимательно посмотрел на Лену. «Почему я вчера ре-
шал, что ей 25?.. М-да... Скорее худая, чем стройная... И
нос-то у нее...»

Вячеслав Ионович, шумно, уже не стесняясь, выдохнул.
Услышав, как хлопнула входная дверь, повернулся на пра-
вый бок, подложил ладошки под щеку и заснул.

4

Подруга не заставила себя долго ждать. Ровно в двена-
дцать тридцать телефон требовательно зазвонил.

«Вячеслав?» – спросил низкий голос.

– Внимательно слушаю...

– Я по рекомендации Лены. Вы помните?

– Немного, – вздохнул Декапот.

– Как это «немного»? – не поняли на том конце провода его грусти.

– Помню, помню... – успокоил он. Меня зовут Валерия. Давайте сразу к нашим проблемам...

Декапот уже жалел, что втравился в эту историю. С бабами лучше дел не иметь. Тем более с такими напористыми.

О цене договорились быстро. Назначив на завтра встречу у кинотеатра «Космос», распрощались. Весь разговор занял не более четырех минут. Так быстро разрешить серьезное дело? Что-то не нравится Декапоту современная оперативность.

Он походил по комнате, подумал и, отбросив эмоции в сторону, достал японский миникомпьютер, расчерченный по им же разработанной схеме листок, «Паркер» и углубился в подсчеты, иногда затягиваясь гаванской сигарой. Их он держал специально для создания деловой обстановки.

Через некоторое время, когда листок был заполнен мелкой цифирью, а компьютер устало мигал экранчиком, Силаев, закончил свои вычисления. Результат его одновременно и насторожили и обрадовали. «Карбач» – процент прибыли по-человечески, составил достаточно значительную величину. Но кроме денежных выгод сделка сулила и моральные. При нынешнем раскладе – неизвестно, что лучше. Разумеет-

ся, всякие «Блю Беллы» и «Левиса» элементарно восполнимы. Но вот Карден и Диор! Некоторые супруги весьма солидных людей его просто умоляют найти этакое «нечто», сулят взамен не только деньги, но и всякую помощь и поддержку. А «нечто» во всяких «Березках» не валяется – в нем пол-Москвы не ходит. Оригинальность, она дорого стоит, хотя не каждый это знает. Видимо, этим друзьям не известно, что у них в руках находится? Все по стоимости ширпотреба взвешивают?

Что ж, попытаться надо, Выигрыш больше, чем риск.

И Декапот начал думать над деловой стороной. Вопрос серьезный. Со счета снимать нельзя – слишком активные отношения со сберкассами могут привлечь ненужное внимание. Если уж положил деньги на книжку, полагал он, то пусть и лежат. Не следует щипать по крошкам. Наличных не хватало две тысячи триста двадцать рублей.

Пыхтя и вздыхая, он достал свою пухлую записную книжку, прикидывая, кого, без особой опасности для своих коммерческих интересов, можно было бы взять в компаньоны? Наконец он остановил палец на одной из строчек и набрал номер.

– Петюня? Радость моя, здравствуй. Да, да, Славик говорит... Узнал-таки? Спасибо... Ну что уж сделаешь?.. Заботы все, заботы, вот и не досуг звякнуть. Сам, между прочим, мог бы набрать. Ну ладно, ладно, что считать. Я к тебе, собственно, по делу...

Минут за пятнадцать до назначенного времени оба друга прохаживались недалеко от кинотеатра, перед огромной афишей, на которой была изображена томная красавица в руках аморального злодея и положительный герой, пытающийся спасти малую девушку. «Шедевр» был написан в суровых черно-красных тонах.

Деловые партнеры успели внимательно рассмотреть произведение рекламного живописца и теперь, не отвлекаясь, занимались ожиданием Декапот, как человек, получивший основы хорошего воспитания, держал небольшой букетик ранних цветов. Петюня, Петр Борисович Разин, высокий, лысоватый человек с лицом неудачливого чиновника, так и не выбившегося в начальники, цветов не имел. Зато у него имелись сомнения. Крупными делами самостоятельно он не занимался. Но так как деньги у него водились, и не исчезло желание, чтобы их становилось все больше, он входил в долю к надежный партнерам.

С Декалогом их связывала давняя коммерческая дружба, в редких случаях, переходившая в чисто товарищеские чаепития. Он и сегодня подписался помочь приятелю. Однако в его душе боролись страх и надежда. Разин был бы только рад, если бы вся операция сорвалась.

– Ты что, в кабаке не мог договориться встретиться? –

Петюня нервно вертел головой и переступал ногами. У него промокли туфли. Апрель – еще не май. Сыро и прохладно.

– Волнуешься? – запыхтел Декапот. – Нет, деловым человеком ты, Петя, никогда не станешь. Волноваться надо было раньше, когда машинка закрутилась – переживания забудь! Только чутье и хватка.

– А вдруг это обычное «динамо»? – спросил Петя с надеждой. Силаев с удивлением оглянулся на него.

– Радость моя, где ж ты таких слов-то набрался? За них подросткам уши обрывать надо, а ты на старости лет такое говоришь...

И потом, «динаму» тебе у вокзала крутануть могут. Здесь – серьезное дело. Улавливаешь разницу?

– Ну не знаю, не знаю, – невпопад ответил Пётр. – А как ты товар повезешь? Тачки-то нет?

– Такси есть. Перестань паниковать. Положись на меня. – Декапот взял ласкового своего приятеля под руку и ободряюще улыбнулся.

К ним приближалась невысокая брюнетка в кожаном плаще. Декапот засеменил к ней навстречу. Галантно раскланялся, вручил букетик и приложился к ручке. Женщина с удивлением посмотрела на цветы, но потом улыбнулась. Они подошли к Разину.

– Добрый вечер. Валерия... – представилась женщина, опередив Декапота. – Вы готовы?

– Конечно! Все давно готово, – и Силаев, как ему показа-

лось незаметно, провел рукой по плащу, чтобы еще раз нащупать пачку ассигнаций, лежавшую во внутреннем кармане.

– Ну, тогда поехали.

– Куда? – мрачно поинтересовался Разин, разглядывая носки модных сапог их новой знакомой. Ему еще хотелось узнать, почему так поздно назначена встреча – скоро уже темно станет?! Но сдержался, опасаясь недовольства своего приятеля. Декапот и без того укоризненно посмотрел на него. Вопрос надо было задать. Только не так, в лоб. Они не то, что эти современные мальчишки, которым все равно, кто перед ними – девушка юная или старец седой, – деньги давай и все. Они подход имеют.

– Как куда? – переспросила Валерия. – За товаром. Я же не могу носить все с собой. Там много.

– Э-э... Петр Борисович, – вы не совсем его поняли, – интересуется местом, – дипломатично разъяснил Вячеслав Ионович. Ему самому было интересно, куда надо добираться.

– Это не далеко. За платформой «Окружная».

Декапот откашлялся. «Окружная», понятно, не Владивосток, но все же... С другой стороны, он, может, просто привык к близости своей квартиры к Бульварному кольцу?

Валерия, заметив колебания Силаева и нахмуренные брови Разина, обворожительно улыбнулась.

– Это же совсем рядом. На машине – минут двадцать, не

больше.

Декапот шумно выдохнул. Он решил, он начал действовать, он не остановится.

Они пошли к стоянке такси, выстояли небольшую очередь и сели в новенькую машину, В пути Силаев внимательно рассмотрел свою спутницу. Умело наложенный макияж на лице искусно подчеркивавший глубину глаз и припухлость капризных губ, ухоженные руки, рельефная, полная грудь, стройные ноги, видневшиеся в разрезе модной юбки. Все это расположило Вячеслава Ионовича.

Разин сидел на переднем сиденье. А Декапот с Валерией мило беседовали на заднем. Петр Борисович им не мешал, но внимательно прислушивался.

За разговором выяснилось, что вещи привез ее хороший знакомый. Нет, нет, просто друг детства. Он постоянно ездит за границу. Иногда привозит кое-что. Все знают, как дорого существование в тех краях. Надо оправдать расходы. Но не стоять же у комиссионных? Разве их товароведы знают настоящую цену хорошей вещи? И вот – счастливое знакомство с Леной, а потом с Вячеславом Ионовичем.

Валерия то ли случайно, то ли умышленно забыла упомянуть о Петре Борисовиче. Это почему-то очень его обидело. Он стал еще более хмуро смотреть на дорогу.

А разговор продолжался. Уже о мелочах. Нет, она разведена. Ранний брак – девчоночьи мечты и суровая реальность. Детей не завели. Живет одна. Не скучно, наоборот – сама се-

бе хозяйка. Бывает и одиноко. Почему же нельзя увидеться? Но об этом потом, время ведь будет...

Машина остановилась у платформы. Вдали, за большим пустырем, кое-где белевшим еще не стаявшим снегом, мерцали огоньки домов.

– Там... – Валерия махнула в их сторону, – что же, через пустырь пойдем? – не скрывая дурных подозрений, спросил Разин.

– Нет, зачем – усмехнулась Валерия. – Тут дорожка по краю. Все так ходят. Да не бойтесь, там фонари есть.

Декапот ни о чем не спрашивал. Он подхватил ее под локоток и повлек по дорожке. Разин, стараясь не отставать, пристроился с другой стороны. Фонари действительно горели. Но от одного до другого было очень далеко. От густых кустов, которыми была обсажена дорожка, тянуло сырой прелостью прошлогодних лежалых листьев, дымком далекого костра. Порывами налетал сырой ветер.

Разин поежился. Скорей бы дойти до места.

6

До домов оставалось совсем немного. Последний поворот дорожки. Впереди медленно шли два человека, Разина это даже успокоило. Хоть не одни. А так как не их, а, наоборот, они прохожих догоняют, то бояться вроде и нечего.

Они почти поравнялись. Вячеслав Ионович хотел было,

как полагается пропустить их вперед, но она неожиданно выдернула у него свою руку и резво сказала, подтолкнув:

– Нет, вы сначала!

Силаев непроизвольно прошел несколько шагов. Поравнялся с прохожими. Хотел спросить, что за странные шутки у его спутницы. Но в этот момент прохожие резво повернулись.

– Деньги у этого, – крикнула Валерия.

Разин сначала ничего не понял. Только почувствовал, как его грубо взяли за ворот куртки и полезли за пазуху, выгребая все из внутренних карманов.

Петр Борисович лишился способности не только двигаться, но и соображать. Он только шевелил губами, силясь что-то вымолвить.

– Да не этот же, – раздосадовано прикрикнула Валерия. – Толстяка потрошите, толстяка!

Разина сильно оттолкнули в сторону. Ноги его не держали, и он встал на четвереньки у самых кустов. Перед его глазами мелькали казавшиеся огромными и мохнатыми фигуры грабителей.

«Боже! Спаси и помилуй!» – молился про себя Разин, никогда ранее не задумывавшийся о вопросах религии, медленно пятясь задом поглубже в кусты.

– Ну, бабки! Быстро!

Силаев, хотя и растерялся, но денег добровольно отдавать не хотел. Он рванулся и попробовал убежать. Но его успели

схватить за рукав.

– Ах ты... – грязно выругался нападавший, – Сейчас попрыгаешь! В его руке был какой-то металлический предмет.

Силаев, натужно сопя носом, пытался вырваться. И вдруг ему это удалось. Рука грабителя соскользнула с гладкого пальто. Декапот прыгнул в сторону, побежал к освещенным домам.

Разин уже совсем скрылся в кустах, когда резко прозвучал выстрел и раздался визгливый крик. Он быстро развернулся, вскочив на ноги, юркнул за какую-то трубу, и, сдерживая дыхание, затаился...

Глава II

1

Вот уже третий день Литвин шелушил материалы дела как старую луковицу, отбрасывая засохшую кожицу нереальных версий, чтобы, в конце концов, добраться до сочной сердцевины...

Месть из ревности?.. Литвин взглянул на фотографии трех женщин. Они были чем-то неуловимо схожи между собой. Разного возраста и упитанности, но с одинаковыми, хитрыми и одновременно злыми глазами, которые словно говорили: «Э-э-э, нет, нас не обманешь, свое возьмем». Да и показания (он нашел протоколы их допросов) они давали на одинаковом интеллигентно-рыночном диалекте. Зачем потерпевшему понадобилось менять одну на другую, было совершенно не понятно. Но, в конце концов, у каждого свой вкус. Одному нравится поп, другому попадья, а третьему – попова дочка... Что ж, будем иметь в виду, и эту версию. Хотя, по отдельности, вряд ли каждая из них могла продумать этакую интригу. Предположить, что они скооперировалась – сложно. Хотя, чего не бывает в подлунном мире.

На глаза попалась фотография потерпевшего – Силаева.

Вальяжный, с глазами-пуговками, тугими щеками и кокетливо повязанным пестрым галстуком. Удивительно похож на народного плюшевого медвежонка. Здесь же, в конверте, лежали снимки с места происшествия и заключение судмедэксперта.

Судебный медик осмотрел рану Силаева на следующий день, Ваш собственно, была не очень серьезной. В мягкие ткани бедра, на вылет. Георгий быстро пробежал глазами бумагу, привычно опуская заковыристые медицинские термины.

При осмотре одежды потерпевшего следов пороха, смазки ствола и тому подобных вещей, свидетельствующих о том, что выстрел произведен с близкого расстояния, не обнаружено. Заключение: ранение нанесено выстрелом из огнестрельного оружия, предположительно, пистолет или револьвер, со значительного расстояния – метров 20–25. Быстро бежал гражданин Силаев!

Итак, оружие было тщательно вычищено. Значит, стрелявший умеет с ним обращаться? Убивать, видимо, не хотел. Попал в ногу на таком расстоянии, да еще в темноте. Так и целил – по ногам? Следовательно, сам потерпевший нужен не был. Личную месть можно исключить. Он интересовал нападавших только как носитель материальных благ.

Литвин разложил перед собой протокол осмотра мест происшествия и фотографии, сделанные экспертом научно-технического отдела. Первое, что его заинтересовало –

нашли ли гильзу? Гильзы не было. Жаль, но гильзе можно было бы определить марку оружия, проверить по учетам. Но на нет и суда нет! Зато есть вероятность, что стреляли из револьвера. Тогда гильза осталась в барабане.

Обвинять в недобросовестности тех, кто проводил осмотр места происшествия, оснований не было. Они облазили и зафиксировали все, что только было можно. А пуля? Пулю не нашли. Куда она делась, пройдя через ногу потерпевшего? Эксперт определил наиболее вероятное место, где стоял преступник, произведший выстрел, проверил по направлениям возможных траекторий и деревья, и кусты, и землю.

Ничего. Проверяли костюм, плащ потерпевшего. Бывает, пуля, потеряв свою силу, остается в одежде. И там ее не было.

Литвин просмотрел фотографии. Ага, вот тут лежал Силаев. Милиция и скорая помощь прибыли очень быстро. Вячеслав Ионович, едва отойдя от первого шока, так завопил, что жители близлежащего дома дружно начали набирать по телефону 02 и 03.

Так, вот тут, примерно, стоял стрелявший. Литвин быстро пролистал протокол допроса потерпевшего. Показания были какими-то путанными. Создавалось впечатление, что в тот момент он еще не совсем пришел в себя. Или что-то скрывал?

Что – выяснилось утром. Разъяснил второй потерпевший. Во всех подробностях. Искать его не пришлось – сам нашел-

ся. Случавшееся так подействовало на него, что, едва дождавшись утра, он поспешил на Петровку – 38.

Литвин просмотрел материалы допроса Разина. Необычная словоохотливость. Может, после пережитого страха? Изложил о себе и Силаеве все, без утайки. Даже сказал, как зовут Вячеслава Ионовича в деловых кругах. Вот и справочка из БХСС. Мелькала у них в некоторых делах, хотя и вскользь кличка «Декапот». Очень осторожный гражданин. Очень... И вдруг такое? Не вяжется.

Литвин нашел на фотографии место, где гражданин Разин заполз в кусты. Хороший ориентир. Рядом труба и щербатый бетонный блок.

Так, а что с Разиным? – Взята подписка о невыезде. Кто же так распорядился? Увидев подпись, Литвин хмыкнул – старый знакомый. Этот и свидетеля готов привлечь к уголовной ответственности. Была бы воля Литвина, он бы кое-кого попросил сдать удостоверения. Но оставим пока мечты на тему «Если бы я был министром».

Посмотрим, что после ознакомления с показаниями Разина вещал Декапот. Ага, вот это уже ближе к делу. После выстрела, второй подбежал и вырвал деньги. Тут-то Силаев и заорал благим матом! Может, именно этим и спас себе жизнь? Преступники под аккомпанемент его визга моментально исчезли. Оставили ли они следы? Да. Вот фотографии следов модного женского сапога и мужского ботинка, 43 размера. Ну конечно, обязательно самый ходовой. Неужели,

нельзя как-нибудь выделиться? Так нет, не хотят, подлецы... Впрочем, там и другие люди ходят. А Силаев орал так, что посмотреть на него сбежалась добрая половина микрорайона. Натоптали, конечно. Были наверняка и в модных женских сапогах, и в ботинках 43 размера.

Георгий закурил, зажал сигарету в углу рта и, щурясь от ароматного дымка, стал читать дальше зеленватые листы протокола допроса с угловатой подписью Силаева внизу. Как положено, каждый лист – в двух местах.

Так, вот тут Вячеслав Ионович поведал о некой продавщице универсама Лене Михайленок. Правда, он не стал посвящать во все подробности их отношений сотрудников органов. Просто указал, что известная дама провела у него ночь и подтвердила наличие между ними интимных отношений. Похвальная целомудренность.

Хорошо, где материалы относительно этой дамы? Вот они. Посмотрим... М-да, а Лена ничего такого особого следствию сообщить не смогла. Было у нее мимолетное знакомство с женщиной, назвавшейся Валерией, в кафе. Жаловалась на жизнь.... Лена дала телефон. Больше не виделись. Вещи предложила по телефону. Все! Больше никаких зацепок.

...О призрачной Валерии – ничего существенного. Фамилии не называла, номера телефона не давала. Что же она о себе говорила? Муж был художником... Надоел – пил. Разошлись.... Обычная картина. Профессия – зацепка... Но кто поручится, что художник – не порождение фантазии этой за-

гадочной особы, назвавшейся Валерией?

Литвин был практически полностью уверен, что и имя это, хотя ж красивое, но вымышленное.

Интересно, пробовали делать фоторобот? Напавших, конечно, никто толком и не видел, а вот Валерия...

Литвин порылся в конверте. Есть фоторобот. При его составлении большую помощь оказал Разин. Он лучше всех запомнил ее лицо, Георгий повертел карточку. Просто классическая головка, со строгой прической, небольшие серьги. Но, кто поручится, что фоторобот похож на оригинал? Сколько было случаев, когда масса свидетелей во весь голос кричала: «Точно, он!», – а потом оказывалось, что составленный по их описаниям портрет ничего общего с настоящим преступником не имел. Свидетелю иногда свойственно добросовестно ошибаться. Да и видит каждый по-своему. Интересно узнать мнение Силаева о фотороботе. Что он скажет?

Литвин взял один снимок и вложил его в подкладку блокнота, туда, где хранил заранее проштампованные и подписанные повестки вызовов в Управление уголовного розыска. Ладно, с Силаевым еще увидимся.

А ребята постарались. Все, что могли собрать за какие-нибудь несколько дней – собрали.

Литвин начал изучать остальные материалы: рапорты, сводки...

– Машину чрезвычайного и полномочного посла Доминиканской республики к подъезду! – громко объявили из синего радиоавтобуса. К подъезду ресторана «Прага» не подъехал, буквально подплыл, словно огромный морской лайнер, черный лимузин.

– ...Машину чрезвычайного, полномочного посла Соединенных Штатов Мексики – к подъезду!

На площадке перед массивными дверями белым облаком возник шикарный «Мерседес».

– ...Машину оперуполномоченного Московского уголовного розыска капитана Литвина – к подъезду...

Увы! Ни лайнера, ни облачка...

Георгий еще раз в уме попробовал подсказать радиоавтобусу нужную формулировку очередного объявления. Но автобус не внял и вызвал автомобиль еще какого-то посла.

Машина, собственно, нужна для дела. Так-то Георгий не слишком любил автотранспорт. Вполне обходился без своих «колес» и чужим не завидовал.

Сегодня он хотел использовать автомобиль для «чистоты эксперимента». Единственная «разгонка» отдела, как всегда, была занята совершенно неизвестно чем, но важным; а такого количества машин, как у их коллег, в жизни – пока не предвиделось.

Хотя, нет худа без добра. Пока у электричек был перерыв, Литвин зашел в кафе «Прага», благо из-за дипломатического приема, народа было мало. Выпил чашечку черного кофе и съел порцию мороженого с орехами.

После такой «заправки» и «служебный трамвай» – общественный транспорт – становится много милее.

...Устроившись у окна в вагоне электрички, Литвин попытался скоротать время, читая вчерашнюю «Вечерку». Но уже известные новости были пресными. Газеты вообще, интересны либо сразу, либо по достижении ими почтенного возраста. И только тогда нас снова начинает умилять то, что изумляло и волновало наших дедушек и бабушек. Сунув газету в карман, он стал смотреть в окно. За грязным стеклом проплывали серые здания складов, полуразломанные заборы.

Наконец, показались красные кирпичные корпуса гостиниц, и электричка остановилась у платформы «Окружная». Суета, море людей и мелкий нудный дождик. Литвин поднял воротник плаща и пошел к Гостиничному проезду, мимо красных корпусов, конечной остановки автобуса, желто-веселого павильона «Пиво», собранного из ребристых пластиковых плит, по направлению к пустырю и островку новых белых многоэтажек за ним. Вскоре гостиницы, магазины и толпы приезжих остались сзади. Впереди виднелись новостройки. Но между ними и Литвиным простирался обширный пустырь с горками ржавеющих металлоконструкций и уродли-

во изломанными могучей техникой строителей деревьями. Нужную дорожку искать не пришлось – она оказалась единственной. В самом начале пути Литвина ждала огромная, как водохранилище лужа. Брод обозначался двумя-тремя кирпичами, едва высунувшимися из желтоватой глинистой воды. С минуту он созерцал все это, грустно драя о том, что не мешало бы взять за привычку слушать по утрам сводку погоды, а потом уже лететь неизвестно куда. Рациональный Астахов поступил бы именно так. Но не возвращаться же. И без того потерял массу времени. Было жалко глянцевоблестевших новой, еще не помятой кожей, финские сапоги. Литвин поднял повыше воротник плаща и тремя прыжками преодолел водную преграду, Место, где с Вячеславом Ионовичом произошло досадное происшествие, найти было не сложно. Георгий прошелся туда – обратно, присматриваясь. Со стороны его поведение выглядело, наверное, странным. Прилично одетый молодой человек бродил по грязной асфальтовой дорожке, останавливаясь, рассматривая что-то на земле, трогал рукой мокрые ветви кустов, ежась под морозящим дождем. Однако увидеть его здесь практически некому. До гостиничных корпусов далеко, а новостройки закрыта пусть еще и голые, но довольно густые заросли кустов. По всей вероятности, дорожка была наиболее оживленной по утрам, когда люди спешили на электричку, предпочитая грязь и выигрыш во времени чистому шоссе и опоздание на работу. Потом – вечером, когда торопились обратно.

Преступника, или, по крайней мере, одни из них, знали этот район, эту дорожку, и когда на ней можно встретить людей, а когда – нет. Учитывая возраст новостроек, это был в определенной мере след, пусть и психологический, зато довольно свежий. Действовали люди с расчетом и умом, предусматривая мелочи и разработав пути отступления.

Вот здесь Разин заполз в кусты, вон труба и бетонный блок. Так, а где же лежал раненый? Литвин прикинул. Найдя место, припомнил фотографии и определил откуда примерно стреляли. Получалось, с расстояния шагов в 20–22. Все четко. Преступник и его жертва были на практически прямом отрезке дорожки. Куда же могла деться пуля?

Походив еще, Георгий нашел следы работы эксперта. Там ковыряли ствол старого тополя, вот тут сломаны кусты... Да, ребята искали добросовестно.

Литвин достал из пачка сигарету, прикрыл от дождя огонек зажигалки, прикурил. Тут же на сигарету ушла капля. Табак затяжелел, стал плохо тянуться. Пришлось выбросить. Машинально проследив взглядом за брошенным окурком, Литвин вдруг насторожился. Какая странная траектория. Сначала окурочок, отброшенный щелчком, полетел прямо, потом, словно споткнулся и вильнул в сторону, необъяснимым образом чуть подпрыгнул и лишь после этого упал. Глядя, как тонкая бумага набухает коричневой влагой и начинает расплзаться, он вспомнил рассказ Астахова об одном странном случае, когда пулю, ранившую человека в правое плечо,

обнаружили у него в левом рукаве. Никто не может предугадать, как поведет себя пуля, уже потерявшая свою кинетическую энергию при встрече с препятствием. Но какое препятствие было у нее в данном случае? Брюки! Штанина Декапота!

Литвин быстро прошел на место, где лежал Силаев, и начал осматриваться. А что, если пуля действительно ушла под углом вверх?.. Да и характер раны немного под углом. Такое впечатление, что стреляли не с вытянутой руки, и от кармана – снизу вверх.

На морось с неба он уже не обращал внимания. Ребятам, проводившим осмотр, не очень повезло – темнота, грязь, любопытные. Правда, в косом свете сильных прожекторов дежурного автомобиля можно найти много такого, чего не увидишь и при солнце. Но день – есть день. Даже с дождем.

Стоя на месте падения раненого, Литвин медленно поворачивался из стороны в сторону, напряженно выискивая то, что может подтвердить правильность его версии. Наконец, его внимание привлекла свежая царапина на толстой ветке низкорослого кустарника. Промытая от грязи дождем, она шла стрелочкой, как раз немного снизу вверх. Георгий прикинул. Да, пуля могла задеть куст, если его идея верна. Но куда она делась потом? Он подошел к кусту, примерился к царапине. По ее направлению чуть в стороне лежали бетонные трубы. Может, коллектор канализации, а может еще что. Литвин мысленно провел черту от царапины к трубам и шаг-

нул в грязь.

Поначалу Георгий ковырял грязь палочкой, но потом понял, что так он ничего не найдет. Упорно шаря красными, промерзшими руками, стал прощупывать каждый комочек глинистой почвы под трубой. Наградой этому был маленький бесформенный кусочек металла, который минут через пятнадцать лежал у него на ладони.

Пуля? Кто же ее знает? В этом комочке трудно что-либо узнать. Литвин бережно прополоскал свою находку в луже и завернул ее в листок из блокнота.

3

На шестом этаже Петровки располагается научно-технический отдел.

Именно здесь был человек, который мог помочь Литвину. Витя Токарев, по прозвищу «Доктор», веселый крепыш, с остатками некогда буйной шевелюры известный, как автор юмористических рассказов. На самом деле, доктором Виктор не был. Прозвище он получил за то, что окончил в свое время фармацевтический факультет медицинского института. Но поработать в аптеке ему так и не пришлось. Астахов, всегда высоко ценивший Витино доброе расположение духа и чувство юмора, говорил, что фармакология много потеряла в лице Токарева, зато еще больше приобрела криминалистика.

Литвин застал «Доктора» за странным занятием. Поворачивая эксикатор, он пристально вглядывался сквозь матовое стекло внутрь этой большой кастрюли с притертой крышкой. За стеклом смутно угадывался вытянутый силуэт какого-то предмета.

– Ты чего? Занялся вивисекцией?

– О!.. Георгий Константинович! – засмеялся Виктор. – Привет. Присаживайся...

Литвин настороженно покосился на колбочки и скляночки, какие-то шипящие агрегаты из стекла в вытяжном шкафу и осторожно сел подальше от них, спрятав под стул ноги в грязных сапогах. В центре, по закону подлости, дождя не было и по дороге все глазели на него, а чистильщики обуви в ваше время – явление редкое, почти уникальное.

– Вивисекция – это порождение западного пессимизма, – радостно сообщил «Доктор», – а я занимаюсь реанимацией! И не для дяди, а рада наших кровных интересов! Понял?

– Не совсем, – честно признался Литвин, доставая сигарету. «Доктор» нетерпеливо пошевелил пальцами над пачкой и Литвин угостил и его. Пыхнув голубым дымом, «Доктор» продолжил:

– Все просто... Как это... как яйцо! Во!.. Если пищевой продукт, присланный на экспертизу сильно подсох, наливаешь немного воды в эксикатор, и – туда его родимого. Полежит маненько и обретает нормальную влажность... Извини, у меня кипит... – Он, не глядя, кинул сигарету в крышку

чашки Петри, приспособленную под пепельницу, и подско-чил к вытяжному шкафу. Литвин с интересом наблюдал, как он, что-то приговаривая себе под нос, ловко расправлялся с колбами и шлангами.

«Сейчас бы еще черного кота, закопченную посуду, блики пламени и – готовый алхимик», – подумалось Литвину, Химии он не звал, и отчасти лаборатория представлялась ему дьявольской кухней, «Доктор» вернулся к столу довольным.

– Сигнал, наконец.

– Кого?

– Краситель... Из ОБХСС здесь работенку прислали. Никак не хотел сходить, собака. С полиамидов вообще трудно сгонять, тем более, с импортных. Гниют там, на западе, а красят крепко... Да и я не промах, – он прикурил у Литвина, потыкав своей сигаретой в его, – вот, сигнал, теперь легче будет.

– Мне бы твои заботы.

– Не судите опрометчиво, – засмеялся «Доктор», – Ты чего пришел? Я тебе сразу скажу: у меня экспертиз – во!.. – он провел ребром ладони по горлу.

– Не погуби, «Доктор»! Очень надо. Глянь, может, помо-жешь?

Литвин достал свой пакетик. «Доктор» махнул рукой, де-скать, Бог вам судья, и взял сверток. Он быстро промыл ко-мочек металла в какой-то остро пахнущей жидкости, про-мокнул фильтровальной бумагой и, – бросив Литвину «Я

сейчас», убежал. Вернулся он скоро.

– На, получай свою игрушку, – сказал он довольно, – Точно не скажу, из чего выпустили, но, что это револьверная пуля, могу ручаться. Правда, старого производства. Сейчас уже таких не делают.

– Спасибо.

– Кипиани спасибо скажешь... Я оружием практически не занимаюсь. Что сказал Прутков? «Нельзя объять необъятное!» Ты лучше давай скорее ту игрушку ищи, из которой стреляли. Вот тогда я тебе рад помочь. Например, могу газохроматографический анализ сделать. Попробую доказать, что именно из этого ствола пулька летела.

– А пока пульку ты официально на экспертизу отправь. Я с Витей Калитко поговорю. Из уважения к вашей фирме побыстрее заключение дадим.

– Спасибо... – еще раз поблагодарил Литвин, снимая с вешалки уже просохший плащ.

4

...А назавтра наступило лето. Правда, воздух бил еще прохладный, но с самого утра небо очистилось, словно всю ночь там работали дворники. Они смели темные, грязные, как мартовские сугробы, облака. И солнце, забыв про вчерашнюю сдержанность и холодную суровость, засветило во всю силу. Стало тепло, легко и празднично. В такие дни

хочется дарить подарки, очаровывать самых красивых женщин, делать то, что сделать невозможно.

Литвин тоже хотел бы очаровывать красивых женщин. Тем более, на прошлой неделе он познакомился на дне рождения своего приятеля с интересной девушкой. Вчера, по телефону она сказала, что сегодня у нее свободный вечер.

Прекрасно. Он тоже надеется освободиться пораньше.

Осталось одно важное дело. Обязательно нужно съездить в Силаеву. Встреча с ним была заранее Георгием запланирована, а раз что-то намечено – переносить нельзя.

По случаю тепла, на прогулку было разрешено выйти всем ходячим больным. И вот, они тщательно закутанные в пальто, куртки с выглядывающими из-под них казенным халатом, бродили тихими группами по аллеям старого парка еще голыми деревьями, или сидели на просохших лавочках, предусмотрительно постелив газетки.

Вячеслава Ионовича Литвин нашел быстро. Тот гулял один, не прибываясь ни к одной компании и осторожно обходя группки любителей «козла» и тихих, но не менее азартных, шахматных поединков.

Его тугие щеки несколько пообвисли, как у строго бульдога, гордый кругленький животик исчез, а в глазах-пуговках затаилась глухая тревога.

Проходя по аллейке, Силаев мельком взглянул на Литвина и захромал дальше, опираясь на солидную трость с затейливым набалдашником.

– Вячеслав Ионович? – негромко окликнул Литвин. Силаев вздрогнул, приостановился и медленно повернулся.

– Вы ко мне? – настороженно спросил он.

– Меня зовут Георгий Константинович, – успокаивающим тоном представился Литвин, – Я сотрудник московского уголовного розыска. Вот моё удостоверение.

– А-а, – протянул Силаев уже более спокойным, но, все же, недовольным тоном, не забыв тщательно сверить фотографию на удостоверении с оригиналом. – Господи, и когда все это кончится? Впрочем, это сейчас неважно. Из МУРа, так из МУРа. Пойдемте, там есть тихая лавочка.

И он, шумно отдуваясь, зашагал впереди Литвина, еще больше.

Они подошли к длинной деревянной скамейке с витыми чугунными ножками. Силаев достал из кармана несколько газет, посмотрел на числа, две спрятал, одну оставил себе, а другую протянул Литвину.

– Подстрелите, – буркнул он, – грязно. Убрать никак не соберутся.

Они почти одновременно расстелили газеты. Но Силаев, увидев какую-то заметку на первой странице, быстро свернул свою, достал другую, проверил, и, увидев, что все в порядке, постелил ее.

Начать разговор Вячеслав Ионович не торопился. Он долго усаживался, поправлял теплый больничный халат с застиранными обшлагами, потом застегивал щегольскую дублен-

ку, накиннутую поверх. Заметив недоуменный взгляд Литвина, нехотя буркнул:

– Мерзну... Врачи говорят от потери крови. В моем состоянии и летом в шубу влезешь.

Наконец, поправлять больше было нечего. И тогда, шумно вздохнув, он спросил:

– Ну, что еще интересует доблестную московскую милицию? Я, вроде, уже все рассказал вашему коллеге. Он, правда, был чуть постарше.

Силаев уже успел рассмотреть работника МУРа и прикинуть стоимость того, в чем он был одет. Калькуляция вызвала у него внутреннюю усмешку и настроила Вячеслава Ионовича на несколько иронический тон. Довольный собой, он пристроил больную ногу на трость и, блаженно зажмурившись, повернул лицо к солнцу. И все же Литвин почувствовал, что его настороженность не исчезла.

– Да, – сделав вид, что не замечает иронии, соглашается Георгий, – вы действительно подробно отвечали на все вопросы. Но меня не интересует то, о чем у вас уже спрашивали. Меня интересуют вещи несколько иного характера.

– Может, вы полагаете, что я знаю больше того, что знаю? – с издевкой спросил Силаев. Но в его голосе снова была слышна тревога.

– Зачем вы так? – мягко укорил Литвин и раскрыл перед Силаевым пачку сигарет. Тот посмотрел на этикетку а, сморщившись, покачал головой. Достал «Мальборо». Так и заку-

рили, каждый свое.

– Ну, положим, вам не повезло, – продолжил Литвин. – Вооруженные преступники! Пока мы их не нашли. Вы же не хотите, чтобы они еще чего натворили?

– Это правильно, – согласился Силаев, – с преступниками надо бороться. Но я-то чем могу помочь? Не под лавкой же они у меня спрятаны. Или от допросов, которые вы мне устраиваете они, как клопы сдохнут?

Разговор начал раздавать Литвина, но уйти ни с чем он не имел права.

– Пока все вертится вокруг вас. И потому, приятно это или нет, нам с вами придется еще много разговаривать. Не хотите помочь себе не надо. Нам вы обязаны помочь.

Силу Вячеслав Ионович уважал. Тем более, в лице государства. А рядом сидел, хотя а молодой, но сотрудник очень уважаемой организации.

– Спрашивайте, – смиренно сказал он.

– Сколько у вас похитили?

– Около десяти... тысяч.

– Разин утверждает, что вы собирались купить импортные вещи? Силаев нахохлился и отвечал на вопросы без энтузиазма.

– Какая, собственно, разница, что? Не атомную же бомбу... Я за мир... Ну, джинсы, ну, тряпки разные. Слабость, знаете ли, хорошо одеться. Родственникам тоже надо помочь. Это что, криминал?

– И бывшим супругам, очевидно? – не удержавшись, съязвил Литвин.

– И им... – сквозь зубы выдавил Силаев и пробормотал еще несколько слов в адрес бывших своих «половин».

– Однако, – после легкой паузы сказал Георгий, – вам можно позавидовать. Даже если брать самые высокие рыночные цены, вы же не в магазине собирались покупать, то у вас такое количество родственников, что семьи восточных долгожителей – ничто, по сравнению с вашей. Неужели и о бывших тещах тоже заботитесь?

«Щуренок! Принесла его нелегкая...» – мрачно подумал Силаев. Он был уже не рад, что заорал тогда, как резаный. И Разин – дурак! Все им выложил – и сколько денег у них было, и зачем поехали...

– Родни хватает. Может, вам о каждом рассказать подробно? Вы что, из БХСС? Насколько я помню, речь шла не обо мне и моих родственниках, а о поимке вооруженных преступников?! Но если вас теперь интересуют мои родственники – пожалуйста! Я расскажу.

– Сами узнаем, если понадобится. Меня больше волнуют ваши знакомые. Точнее, одна прекрасная незнакомка.

– Валерия?

– Именно... Пока она единственная ниточка к преступникам. Нам с вами надо найти ее ошибку.

– Ошибку? – Силаев удавился такому повороту разговора. Он приготовился к самым неприятным вопросам.

– Не может преступник все сделать абсолютно так, как ему хочется. Что-то его все равно выдаст, что-то не так получится. Правильно я говорю?

– Это точно. Что-то, да сорвется, – с чувством согласился Силаев, но тут же спохватился и добавил. – Наверное, так оно и есть. Вам виднее. Вы с этой нечистью больше общаетесь. Я-то даже не знаю, что вам поможет.

– Ну, начнем с ваших впечатлений, – Литвин достал фоторобот, протянул Силаеву. – Похожа?

Тот, далеко отставив руку с фотографией, взгляделся, почмокал.

– Так, схематично, что-то общее – есть, есть. Вам бы на живую поглядеть. Все картинки баловством покажутся. Есть в ней, знаете ли, нечто такое... – он неопределенно покрутил рукой.

– А поточнее? – забирая карточку, спросил Литвин. – Какая она?

– Какая? Хай-класс? – как сейчас говорит молодежь! Прима! Королева! И, заметьте, знает, как себя подать. Идет – вроде сдержанно, неброско, а все мужики шею сворачивают. Умеет показать все выигрышные моменты. Товар лицом...

– Как вы сказали, показывает?

– Ну да! Знаете, такая походка бывает у танцовщиц или у «вешалок», – Силаев, забывшись, перескочил на жаргон.

– Имеете в виду манекенщиц?

– Да, да, манекенщиц... Очень импозантная. Хотя, когда

присмотришься... полновата она уже для идеала. Чуть-чуть, а полновата. – Силаев пошевелил пальцами и сделал волнистый жест в воздухе, очерчивая женскую фигуру, потом словно присмотрелся к ней – правильно ли нарисовал и, довольный, добавил, – но ходит легко, легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.